Дневник законченной оптимистки

Автор:
Елена Трифоненко

Дневник законченной оптимистки

Елена Трифоненко

Майю преследуют неудачи. Жених, по совместительству работодатель, оказался изменщиком. С работы пришлось уволиться, новую найти не получается. Майя – педагог, а брошенный жених распустил о ней грязные слухи. Девушка почти опустила руки, но потом новая работа сама ее нашла. Вот только она очень странная…

Елена Трифоненко

Дневник законченной оптимистки

Глава 1. Недоброе утро (воспоминаний)

«Моя жизнь – легка и радостна» – такая надпись встречает меня утром в ванной. Желтые клеенчатые буквы налеплены прямо на зеркало и расположены так, что, если захочешь разглядеть собственное лицо, придется встать на цыпочки. Я невольно и резко отшатываюсь от лимонного слогана, но на автомате перечитываю его снова и снова.

Паста, соленый, как море, «Парадонтакс», валится из рук и по закону подлости улетает за стиральную машину. Но мне не до спасательных работ. Довольно сносное настроение, будто сорвавшийся с канатов лифт, ухает вниз.

– Мама! – кричу я, распахнув дверь ванной. – Что это за фигня на зеркале?

Неторопливо, словно облако, мама выплывает из кухни и, сняв фартук, поднимает на меня задумчивые глаза:

– Ты о чем, Майя?

– Об этом! – Я делаю страшное лицо и тычу зубной щеткой в клеенчатую надпись.

– А-а, это аффирмация, – моментально расцветает мама. – Не обращай на нее внимания. Она незаметно действует на подсознание и настраивает на позитивный лад.

– И зачем она здесь? – Мой голос обманчиво мягок.

– Я по всему дому такие расклеила. Чем чаще они попадаются на глаза, тем быстрей подействуют.

Отодвинув родительницу, я протискиваюсь на кухню и кручу головой. Ну, точно! Моя маман обклеила странными фразами всё вокруг.

«Жизнь любит меня!» – возвещает огромное сердце из цветной бумаги на холодильнике. «С каждым днем мои дела идут все лучше и лучше!» – заверяет растяжка над столом, за которым веселая Алёнка, обставив тарелку игрушками, жует драники. «Я излучаю оптимизм и радость» – убеждает плакат на шкафчике с посудой.

Видимо, мама опять начиталась в Интернете какой-то ерунды. Она у нас настоящая мечта спамера: не только внимательно изучает каждую рассылку, неизвестно как угодившую в почтовый ящик, но и добросовестно выполняет все бредовые советы сетевых гуру.

– Гав-гав, мы нашли домик, – Алёнка засовывает в кармашек моей пижамы сразу трех резиновых собачек.

Кармашек трещит по швам, но дочь не останавливается – пихает к собакам пластмассовую семью лисят и керамическую кошку.

– Ура! Теремок! Будем жить дружно.

Я отпрыгиваю и торопливо выковыриваю из кармана игрушечный зверинец. Да елки-палки! Карман теперь болтается на нитках. А ведь пижама почти новая: я ношу ее только второй год. В отчаянии отрываю карман совсем.

– О, одеялко! – радостно кричит Алёнка и тигром выхватывает получившийся лоскуток.

Я поворачиваюсь к маме.

– Ты что, правда, веришь, что всякие там аффирмации улучшат твое настроение?

– Верю, – с фанатичным видом кивает мать. – Самогипноз – великая вещь.

Я мысленно считаю до пяти, чмокаю Алёнку в щеку и незаметно стаскиваю с ее тарелки пару драников. Они такие вкусные, что настроение почти сразу приходит в норму. Что ни говори, дранико-терапия – великая вещь. Особенно для людей с белорусскими корнями.

– А ты не могла бы заниматься самогипнозом исключительно в своей комнате? – с набитым ртом бормочу я. – Зачем ты эти транспаранты по всей квартире расклеила?

Мамин взгляд мгновенно леденеет. Она уже тридцать лет работает музыкальным педагогом в детском саду, и за это время научилась делать такой вид, от которого цепенеют даже самые наглые. Я поневоле отвожу глаза.

– Психологи рекомендуют вешать аффирмации там, где проводишь больше всего времени, – мама с любовью поглаживает стол. – А я на кухне в основном и торчу: у нас ведь некоторые почти без остановки трескают. Прям хоть от плиты не отходи.

Мои щеки предательски вспыхивают. Мама наливает себе сока, осушает стакан залпом:

– К тому же тебе самовнушение тоже полезно. В последнее время ты просто сосредоточие негатива.

– Да что ты говоришь? – Во мне снова подымается волна раздражения. – А с чего я, по-твоему, должна позитивом-то фонтанировать? Я, между прочим, второй месяц работу найти не могу. И личная жизнь у меня, кстати, тоже схлопнулась.

– По-моему, ты путаешь причину и следствие. – Мама забирает у Алёнки пустую тарелку и быстро ополаскивает ее под краном. – Может, дела у тебя не ладятся именно из-за того, что ты такая пессимистка? И мужчины, и работодатели любят жизнерадостных, тех, кто идет по жизни с улыбкой. – Выключив воду, она вытирает руки полотенцем. – А у тебя же постоянно такое лицо, будто ты только что любимую корову схоронила. Неудивительно, что люди шарахаются.

– Ну, спасибо. – Я до боли в пальцах сжимаю щетку, а глаза наливаются слезами. – Спасибо за поддержку.

Через секунду я пячусь обратно в ванную с твердым намерением включить воду и немного всплакнуть, но, споткнувшись о порог, растягиваюсь в коридоре.

Мать теребит ухо и задумчиво кивает своим мыслям.

– Нужен еще один плакат. Про внимательность.

– Ушиблась, да? Бедненькая… – Дочь с сочувственным видом бросается на меня, ее острые колени больно врезаются мне в живот, прямо в район мочевого пузыря.

Мгновенно забыв о ванной, я выбираюсь из-под Алёнки и стремительно отползаю в туалет.

Мама недавно купила новый освежитель воздуха, и в туалете у нас теперь пахнет шарлоткой с корицей. Ощутив запах печеных яблок, я как-то сразу успокаиваюсь и погружаюсь в мечты. Вот бы мне сейчас шарлотку. Или круассан.

Или хотя бы кекс, а лучше все сразу.

С мечтательным видом я присаживаюсь на унитаз, а потом почти сразу подпрыгиваю: на двери туалета налеплена еще одна аффирмация. Да какая! «Я привлекаю в свою жизнь лучшего из мужчин». Ну, это уж слишком!

– С чего ты взяла, что мне нужен мужчина?! – выскочив в коридор, кричу я; мама и Алёнка уже в прихожей – обуваются. – Мне и одной неплохо. Я, чтоб ты знала, в ближайшие годы вообще не планирую заводить отношения!

– Ну и славно. – Мама застегивает молнию на Алёнкиных сапогах и выпрямляется. – А вот я хочу замуж. И выйду. Самогипноз – великая вещь.

***

Мама и Алёнка отправляются в садик, я возвращаюсь в ванную и трубкой от пылесоса вызволяю зубную пасту из-за машины. Тюбик облепился паутиной и напоминает кокон, на нем, словно брошка, восседает огромный паук. Меня передергивает. Я тычу в тюбик трубкой, надеясь, что паук свалит подобру-поздорову, но тот крепко вцепился в ошметки своих сетей и не шевелится. Может, дохлый?

Я решаю бросить «Парадонтакс» в ванну и смыть паутину водой. Набрав полную грудь воздуха, осторожно подцепляю тюбик пальцами, и паук, конечно, тут же оживает и начинает ползти в сторону моей руки. Мгновение, и крохотные лапки щекочут кожу.

– А-а-а! – Я пытаюсь стряхнуть насекомое с ладони, но цепкий паучище шустро заползает мне в рукав.

– Спасите! – Я молниеносно стягиваю кофту и оглядываю руку.

Паука не видно. Выворачиваю кофту наизнанку, трясу над ванной: ничего, восьмилапая зараза как сквозь землю провалилась.

Вымыв тюбик, выдавливаю розовую полоску «Парадонтакса» на щетку и поворачиваюсь к зеркалу. Блин, тут же эта бредовая надпись про легкую жизнь!

Сунув щетку в рот, быстро отклеиваю буквы и складываю их на край ванны. Спасибо, мама, но я, пожалуй, обойдусь без твоих внушений.

Из зеркала на меня смотрит несчастная моська в ореоле наэлектризованных светлых волос. Я чищу зубы и мысленно протоколирую свои несовершенства.

Пункт первый – морщины. Пара волн на лбу, две параллельные линии на переносице и несчетное количество мелких, как паучьи ножки, черточек вокруг глаз. А ведь мне всего двадцать девять. Помнится, год назад кожа у меня казалась безупречно гладкой, и все вокруг давали мне не больше двадцати. И тут бац! – сразу полный набор начинающей клюшки.

Пункт второй – волосы. Несколько месяцев назад они стали тусклыми и ломкими, а так как я эталон мнительности, то сразу понеслась в поликлинику, к терапевту. Тот отправил меня к эндокринологу, эндокринолог – на анализы и УЗИ, и спустя каких-то пару недель паломничества по кабинетам, в карточке наконец появился диагноз – гипертиреоз. Он означает, что моя щитовидная железа впрыскивает в кровь слишком много гормонов. Того количества, которое она производит, хватит примерно на двух средних тетенек.

Эндокринолог выписала мне лекарство, и как только я начала принимать его, волосы прекратили ломаться. Да-да, сразу прекратили ломаться и стали вываливаться целиком. Пучками. Теперь по всей квартире перекати-поле из моих волос. Я, конечно, сразу постриглась до каре, но все равно, когда принимаю ванну, волоски-предатели сплетают на поверхности воды настоящий ковер.

Когда я пожаловалась на редеющую шевелюру эндокринологу, врач заявила, что выпадение волос – побочное действие моего лекарства.

– И как долго мне его пить? – спросила я, пытаясь понять, стоит ли подыскивать шиньон.

Врач сжала мое запястье, чтобы посчитать пульс.

– Обычно лечение занимает года полтора. Иногда дольше.

– Сколько-сколько? – У меня даже руки задрожали от ужаса. – Полтора года? Да за это время я стану абсолютно лысой.

– Не надо так волноваться, со временем вырастут новые волосы, – отводя глаза, пробубнила врач. – И вообще, шевелюра не самое важное в жизни. У вас, между прочим, сердце колотится как ненормальное, и тремор сильный. Без лекарств вам нельзя.

– Да черт с ним, с тремором! – Я сбросила ее руку. – Не буду эти таблетки пить. Выписывайте мне что-нибудь другое или я к вам больше не приду.

Врачиха позеленела.

– Не будете лечиться – через несколько месяцев начнутся проблемы с иммунитетом, печенью, сердцем…

Я скрестила руки на груди, приготовившись стоять до последнего.

– К тому же глаза станут выпученными, как у лягушки, – брякнула доктор. – Вы погуглите дома картинки больных с вашим диагнозом, погуглите.

Мой боевой настрой мигом улетучился. Все-таки дефицит волос можно прикрыть париком, а как спрятать вытаращенные глаза? Перманентно носить солнечные очки? В нашем климате это не вариант. Взвесив все «за» и «против», решила пить таблетки. Только теперь стараюсь пореже касаться волос: каждый раз, когда ощущаю как мало их осталось, меня накрывает маленькая паническая атака.

Третий пункт в моем списке недостатков – грудь. Я всегда была худенькой, а из-за гипертиреоза еще похудела, теперь при росте сто семьдесят вешу сорок девять килограммов, и моя грудь напоминает два обвисших мешочка. «Срочно поправляться! – гаркнула на меня эндокринолог во время последнего приема. – Старайтесь меньше двигаться и больше есть». Я и рада стараться, только все равно ничего не откладывается.

Четвертый пункт в моем топе несовершенств – длинный нос. Вот от кого мне так прилетело? У обоих родителей, у всех моих бабушке и дедушек – миниатюрные

носики, а я на Новый год запросто могу снеговиком наряжаться. Закрасила нос оранжевым фломастером – и готово. В детстве мама ласково звала меня Буратинка. Правда, когда мне исполнилось пятнадцать, она переименовала меня в Пьеро и объявила мой трезвый взгляд на жизнь пессимизмом.

Пятым пунктом сегодня у меня фигура. Она совершенно неженственная и напоминает перевернутую трапецию: попа худая, зато плечи широкие.

Чтобы лучше оценить масштабы бедствия, отхожу от зеркала и привстаю на цыпочки. Кажется, я стала еще худей. Только этого не хватало – одежда и так висит мешком, а на новую денег нет и не предвидится.

От того что чистка зубов продолжается дольше пяти минут, десны начинает щипать – через силу останавливаю подсчет ошибок природы и споласкиваю рот. Потом ноги сами несут меня на кухню.

Сделав огромный бутерброд с говяжьим языком, пытаюсь настроиться на очередное собеседование. Не хочу, чтобы меня опять колбасило, как в прошлый раз. На той неделе я договорилась о сотрудничестве с репетиторским агентством, но через пару дней его администратор перезвонила мне и сказала, что в моих услугах не нуждаются. А я только расслабилась, решила, что черная полоса наконец-то кончилась, даже пообещала Алёнке купить надувную ватрушку для горки. Что со мной творилось после неожиданного отказа – не передать. По-моему, когда на что-то надеешься, а потом обламываешься, у души отмирает кусок размером с оладью. Больше никаких надежд! Буду готовить себя исключительно к неприятностям.

С улицы доносятся женские крики – я кидаюсь к окну, надеясь разузнать из-за чего сыр-бор. Напротив палисадника машет руками оранжевогрудая стайка работниц ЖКХ, кажется, тетушки выясняют, кто из них ленивая скотина, а кто Золушка. Я почти сразу теряю к скандалу интерес, потому что замечаю у дома автомобиль Андрея. Сам Андрей стоит, опершись о капот, и сверлит взглядом мои окна. Наши глаза встречаются, и я точно ошпаренная отшатываюсь от окна, сердце мгновенно разгоняется так, как моему эндокринологу и не снилось.

Зачем он приехал? Мириться? Интересно, мне показалось, или взгляд у него слегка виноватый?

Я несусь в комнату и в считанные секунды переодеваюсь из пижамы в деловой костюм, подкрашиваю ресницы и губы. Руки, конечно, трясутся, но макияж выходит довольно сносным. Причесавшись, я сажусь на диван в гостиной и мучительно жду, когда заверещит дверной звонок; от волнения ломит затылок и потеют ладони – приходится то и дело вытирать их о плюшевый подлокотник.

Андрей Лаптев – мой бывший работодатель и бойфренд. В неполные тридцать он уже владеет одной из лучших школ иностранных языков в нашем городе и центром по подготовке к ЕГЭ. В последнем я отработала почти два года, ежемесячно получая от Андрея предложение сходить поужинать или в кино. Полтора года я отнекивалась, уверенная, что служебные романы до добра не доводят, но летом моя оборона рухнула.

В июне моя лучшая подруга вышла замуж и укатила жить в Ирландию – фото с ее медового месяца чуть не довели меня до истерики. Мне вдруг обрыдла жизнь матери-одиночки: работа – дом, дом – работа, в качестве единственного развлечения – походы в «Магнит» за продуктами. До дрожи в коленях захотелось романтики и приключений. Целыми выходными я смотрела мелодрамы, представляя себя на месте главных героинь. В конце концов, передозировка мечтами сказалась на моей вменяемости, и на очередное шутливое приглашение Андрея на шашлыки я ответила: «А давай лучше к тебе?» Не ожидавший такого Лаптев даже айфон выронил. Хорошо, что мне на колени.

То, что случилось у нас потом, трудно назвать романом. Раза три в неделю после работы я отправлялась к Лаптеву, готовила что-нибудь вкусное, мы ужинали и занимались сексом. А потом я ехала домой. Иногда Андрей уговаривал меня остаться с ночевкой, но я отказывалась: не могу заснуть вне дома.

Никаких планов совместной жизни с Лаптевом я не строила: плыла по течению, наслаждалась моментом. Потому-то, когда Андрей предложил выйти за него замуж, меня будто током ударило.

– Вот уж не думала, что ты из тех, кто готов жениться на женщине с ребенком, – призналась я, натягивая колготки.

Брови Андрея взлетели вверх.

– У тебя есть ребенок?

– Дочь, – кивнула я. – Недавно ей исполнилось пять. Странно, что ты забыл. Я упоминала о ней и в резюме, и во время собеседования.

Мне показалось, что у Лаптева дернулся глаз. Он тут же потянулся за сигаретами, хотя пять минут назад пообещал не курить в постели.

– Наверное, твоя дочь – настоящий ангелочек, – с надеждой проговорил он, щелкая зажигалкой. – Такая же скромная и тихая, как ее мама.

Я непроизвольно вжала голову в плечи.

– О, временами она тише воды. – «Например, когда рисует на обоях или мастерит панно из штор» мысленно добавила я, а вслух предложила: – Хочешь, я вас познакомлю?

– Ну, у меня как бы сейчас нет времени совсем, – Андрей заерзал. – Можно ведь и после свадьбы познакомиться, да?

Я одарила его взглядом полным сомнений, а он тут же отвел глаза.

– Да не волнуйся ты! Свожу твою ляльку в парк аттракционов, куплю ей мороженое, и она будет от меня пищать.

«Боже ж мой, он даже не спросил, как зовут мою дочь!» – загудел здравый смысл. «Святые угодники, он готов на тебе жениться!» – разрыдалось от умиления наивное, как щенок, сердце.

Андрей стряхнул пепел в пепельницу и заложил свободную руку за голову – ни дать ни взять герой американской мелодрамы:

– Я так понимаю, ты согласна?

– Мне нужно подумать. – Я натянула водолазку и взялась за брюки. – Подобные решения с бухты-барахты не принимают.

– Чего тут думать-то? – надулся Андрей. – Ты учти: такие мужики, как я, на дороге не валяются.

Напрасно он переживал. Уже через неделю мое сердце нокаутировало здравый смысл, и в воскресенье вечером я решила, что хочу замуж. Телефон у Андрея не отвечал, а я боялась, что до понедельника могу и передумать, поэтому купила в магазине торт и отправилась к Лаптеву домой.

Обычно после девяти маршрутку в нашем городе не дождешься, но в тот вечер мне повезло: газелька подползла к остановке сразу, как я начала замерзать. Я посчитала это знаком свыше: «Долой сомнения! Впереди – счастливая семейная жизнь», – и воспряла духом.

Когда я вылезла из маршрутки напротив Андреевой девятиэтажки, энтузиазма стало еще больше. Окна спальни Лаптева мерцали слабым светом, и это значило, что Андрей дома, а не свалил куда-то с друзьями, как я боялась. Вот она – рука судьбы! С улыбкой до ушей я ринулась в подъезд. Там было темно, и я, кажется, наступила на кота, по крайней мере, вопль, внезапно огласивший округу, походил на кошачий. Оправившись от шока я нащупала кнопку лифта, и подъезд огласило равномерное гудение. Еще один добрый знак! Лифт у Лаптева работал не часто.

«Ну и пусть Андрей пока не интересуется моей дочерью, это легко исправить, – думала я, по пути наверх разглядывая себя в зеркальные стены лифта. – Я ведь не просто училка иностранного, у меня дополнительная специальность – психолог, правда, школьный, но ничего, психология-то у всех одинаковая. Дайте мне две недели, и отношения у меня в семье будут – залюбуешься».

Как только я вышла из лифта на пятом этаже, до моих ушей донеслись отчетливые женские стоны. Кому-то плохо? Я огляделась, судорожно припоминая как оказывать первую помощь при травмах. На площадке никого не было, а странные звуки вроде бы доносились из квартиры Андрея. Я подошла к двери Лаптева и прижалась ухом к ледяному металлу – сомнений не осталось: стонали именно у Андрея. Я несколько растерялась. На этаже пахло тушеной капустой и старыми носками, тускло мигала, потрескивала старая лампочка, а я переминалась с ноги на ногу и теребила ворот джинсовой куртки. А потом меня осенило: «Наверное, Андрей смотрит кино! Эротическое!»

Я сунула торт под мышку и дважды нажала на кнопку звонка. Ничего. Я постучала по косяку. Потом снова позвонила. Звуки за дверью стихли, но открывать Андрей не спешил. Я прижала звонок ладонью, и одновременно стала пинать дверь ногой. Мне надо было немедленно узнать происхождение стонов, чтобы успокоиться.

Через полторы минуты непрекращающейся звуковой атаки в коридоре квартиры послышались шаги, и дверь распахнулась.

– Какого черта? – На пороге в одних трусах стоял Андрей и смотрел на меня удивленно. – Майя? А я тебя не ждал.

– Решила сделать тебе сюрприз. – Я помахала тортом и попыталась заглянуть в квартиру. – Чего делаешь?

– Я? – Андрей поспешно заслонил мне обзор плечом. – Телек смотрю, а что?

– Можно к тебе?

– Ой, у меня такой срач! – Глаза у него забегали. – Давай лучше сходим куда-нибудь? Подожди меня на улице, я оденусь и спущусь.

– Может, я хотя бы в прихожей подожду? На улице холодно.

Андрей налился зеленцой:

– Говорю же: у меня бардак…

– Ну, бардаком меня не удивишь, – я попыталась отодвинуть его в сторону.

– Андрюш, ты скоро? – пропел из глубины квартиры женский голос.

Мой начальник (тире бойфренд) аж подпрыгнул. Я встала на цыпочки и заглянула через его плечо в прихожую: в дверях спальни стояла и дула губки молоденькая блондинка, обернутая полотенцем.

– Это кто?

– Никто, – Лаптев смотрел на меня так, словно пытался загипнотизировать. – Я сейчас ее выпровожу.

– Не надо, я уже ухожу. – Я повернулась, чтобы идти к лифту.

– Майя, не надо истерить, – Андрей схватил меня за руку и втащил в квартиру. – Я сейчас от нее избавлюсь, ты даже воду вскипятить не успеешь.

– Чего?

Он впихнул меня в кухню.

– Ставь пока чайник и режь торт, а я сейчас приду.

– Но…

– Давай-давай! – Андрей повязал на меня фартук и, прикрыв за собой дверь, удалился.

Наверное, у меня было что-то вроде состояния шока, потому что я действительно налила в чайник воды и лишь потом, опомнившись, швырнула его на пол и выскочила из квартиры. Даже передник не сняла – так и плелась в нем до самого дома.

Ночь прошла ужасно. Я чувствовала себя последней идиоткой, насмотревшейся сериалов. Вот с чего я вдруг размечталась о счастливой семейной жизни? Как будто прошлый раз меня ничему не научил…

В понедельник, когда я пришла на работу, Андрей, словно ничего не случилось, полез целоваться. Я его оттолкнула, а он сделал вид словно не понимает из-за чего я психую. От злости у меня снесло крышу, и я заявила, что ухожу не только от него, но и из его шарашки. Вот ведь дурында! Хоть бы объявления о работе почитала, прежде чем такие громкие заявления делать.

Андрей, конечно, уговаривал меня остаться, обещал золотые горы и пугал ужасами безработицы. Но я ведь человек слова. Отработала положенные две недели и отчалила. А теперь локти кусаю: обошла и обычные школы, и языковые – работы нет, и не предвидится.

Глава 2. Работа мечты. Собеседование

Я сижу на диване уже десять минут, и подлокотник от моих ладоней сырой, как губка. Звонок упорно молчит. Может, Андрей передумал мириться? Или вообще приезжал не ко мне? Наш городок так тесен, что не удивлюсь, если его новая пассия проживает в моем доме.

Спина начинает ныть – я встаю и несколько раз прохожусь вокруг дивана. Тут же вспоминается недоеденный бутерброд, а душа требует какао или шоколадку. Я отправляюсь на кухню, но по дороге сердце вдруг екает, а в голове рисуется такая картина: Андрей ждет меня на лестнице с букетом роз. Красных или розовых. Но лучше белых. Он протягивает мне цветы и говорит: «Майя, прости меня. Я понял, что, кроме тебя, мне никто больше не нужен. Обещаю: больше никаких измен». Воображение так красноречиво, что я не выдерживаю – на цыпочках крадусь к входной двери и выглядываю в глазок. Никого. Из груди вырывается тяжелый вздох. Вот, блин! А я ведь была готова простить.

На всякий случай отпираю дверь и, высунув голову на лестничную клетку, прислушиваюсь: на лестнице тихо, будто в склепе. Хотя нет, если напрячь уши, можно уловить, как булькает вода в батареях. Я собираюсь закрыть дверь, но что-то мягко трется о мою ногу, заставляя волосы по всему телу подняться дыбом. К счастью за пару секунд до инфаркта успеваю понять, что это соседская кошка, она частенько пытается нанести нам визит.

Запихнув в рот остатки бутерброда и сделав горячего шоколада, начинаю поисковую операцию. Изредка прихлебывая из кружки, я исследую каждую комнату по два раза, но противная животинка как сквозь землю провалилась. А время уже половина девятого – еще немного, и я опоздаю на собеседование.

Внезапно меня осеняет. Подбежав к холодильнику, достаю из него пакет замороженного минтая и помахиваю им туда-сюда, чтобы шуршал.

– Кис-кис-кис, смотри, что у меня есть.

И в тот же миг чокнутая кошка прыгает мне на голову с посудного шкафчика. От неожиданности я визжу и опрокидываю на себя кружку с оставшимся шоколадом. Кошка соскакивает на пол и, бодро подпрыгивая, пытается лапами выбить у меня пакет с рыбой. У нее получается. Вот же наглое создание! Разъярившись, будто подрезанный «Окой» водитель маршрутки, я хватаю гостью за шкирку и тащу к двери, но как только оказываюсь в прихожей, квартиру оглашает трель дверного звонка. Кошка вываливается у меня из рук и тут же убегает, а я несусь переодеваться, ведь пиджак и блузка теперь покрыты коричневыми пятнами.

Как назло, оба любимых платья в стирке. Я выкидываю на диван всю одежду, что есть в шкафу и чуть не плачу. Звонок стихает.

– Нет-нет, не вздумай уйти! – причитаю я, натягивая старые водолазку и джинсы.

Забыв причесаться, подлетаю к двери и торопливо отпираю замок. На площадке стоит дед в кепке «FBI», кажется, он наш сосед снизу, но точно сказать не могу: у меня ужасная память на лица.

– Маечка, как хорошо, что ты дома. Мы тут подписи собираем, чтобы нам перед домом каток залили. – Дед сует мне в руки мятые, исписанные разноцветными чернилами листы. – Поставишь свою закорючку?

Не глядя, я подписываю, где просят, и, забыв попрощаться, захлопываю дверь. Часы в прихожей показывают без двадцати девять. Наплевав на кошку, я обуваюсь, натягиваю пуховик и шапку, и, подхватив папку с документами, выбегаю из квартиры. Мне предстоит собеседование на должность переводчика в крупной машиностроительной фирме – опоздать я не имею права.

Несясь по лестнице сломя голову, я одновременно пытаюсь сочинить убедительную ложь об уходе с последнего места работы. Вот только в голову совсем ничего не лезет. Ну почему, почему я не придумала красивую легенду заранее? Вечно оставляю все на потом. От волнения я перескакиваю через ступеньки, а сердце слегка сбивается с ритма.

Между вторым и первым этажом, решаю сказать, что меня не устраивал график работы: звучит весомо и никак меня не компрометирует.

Выскочив из дома, я врезаюсь в Андрея.

– Ой!

– Ну, наконец-то! – Мой бывший отлепляет меня от своей широкой груди и внимательно оглядывает. – Я уж думал не дождусь.

– Кого? – Я наивно хлопаю ресницами.

– Тебя, конечно, – Андрей хмурится, складывает руки на груди. – Куда собралась?

– На собеседование.

– Что, так и не нашла работу мечты?

– Пока нет. Но обязательно найду, – с достоинством парирую я.

На его лице проступает злорадство и самодовольство.

– Вот уж вряд ли.

Я вздергиваю подбородок.

– Это еще почему?

– Потому что я хочу, чтобы ты работала у меня. И я сделаю все, чтобы в другое место тебя не взяли.

– И каким же образом?

Он ухмыляется:

– А тебе не приходило в голову, что каждый, к кому ты относишь резюме, обязательно звонит мне и интересуется, что ты за человек? Мне достаточно пары слов, чтобы тебя навсегда вычеркнули из списка соискателей.

Мне становится нечем дышать, тело заливает липкая волна жара; пытаясь справиться с неприятными ощущениями, я расстегиваю пуховик.

– И что же ты рассказываешь обо мне потенциальным работодателям?

– Когда как. – Экс-бойфренд заботливо снимает перышко с моего рукава. – Иногда говорю, что ты косноязычна и не умеешь найти подход к детям. А иногда предупреждаю, что ты торгуешь собой за деньги и уходишь в запои.

– Что? Что? – Я обмахиваюсь папкой с документами, но воздуха отчаянно не хватает. – Ты шутишь, да?

Он делает грустный вид, точь-в-точь как у котят на популярных демотиваторах.

– Майя, я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. В мой центр и в мою жизнь. Ради этого я готов на все, даже на подлость.

– Я не вернусь.

– Ну, это мы еще посмотрим. – Глаза у него сужаются, а в лице проступает что-то хищное. – Я привык добиваться всего, чего хочу.

Вот так: ни цветов, ни извинений, ни заискивающих интонаций. Только угрозы и шантаж.

– Извини, мне надо спешить, – поспешно бросаю я вместо прощания и двигаю прочь от дома.

К счастью, Андрей не пытается меня догнать: видимо, сказал все, что собирался. Я делаю пару глубоких вдохов и чувствую себя почти нормально: руки перестают трястись, сердце – метаться по грудной клетке.

Седьмое декабря, а на улице тепло и пахнет, как в колодце: щекотной сыростью, размокшим деревом. Спины сугробов переплавлены оттепелью в тонкий лед, а тот, ну точь-в-точь – сахарная корочка шарлотки: сияет, переливается, трескается на солнце. Нечаянная капель барабанит по козырькам балконов. Крыши, будто деревья листья, поспешно сбрасывают липкие сосульки.

Приятный сюрприз от погоды заставляет встрепенуться: расправив плечи, я иду к остановке, изображая походку уверенного, довольного жизнью человека. На меня даже засматривается мужчина с собачкой. На вид ему, правда, лет семьдесят, но ничего – любви все возрасты покорны. Я благодарно улыбаюсь потенциальному воздыхателю, и походка моя становится еще воздушней и радостней. Вот только через мгновение нога проваливается в присыпанную снегом лужу, сапог под завязку наполняется ледяной водой, и все: ростки хорошего настроения скукоживаются и чернеют. Хотя мне не привыкать, настроение у меня почти всегда где-то в районе плинтуса. Мой эндокринолог говорит, что это из-за гормонов. Гипертиреоз частенько вызывает стойкую депрессию, которую не перешибешь никакими антидепрессантами.

В маршрутке у меня жутко мерзнет промоченная нога и начинает течь из носа. «Только простуды сейчас не хватало!» – думаю я, и тут же женщина, сидящая справа, заходится истошным кашлем. Она даже не пытается прикрыть рот, и я почти вижу, как мой пуховик обрастает коконом заразной слюны. Фу! Наступив на горло врожденной тактичности, встаю со своего места и ухожу в другой конец маршрутки. Гриппозная тетка обиженно пыхтит и пытается спалить меня взглядом – я закрываю глаза и, чтобы скоротать время, устраиваю сеанс аутогенной тренировки. Представляю, как босиком шлепаю по нагретому солнцем песку у реки, и мысленно бормочу: «Моя ступня стремительно нагревается, пальцы ноги становятся все горячей и горячей».

Самовнушение, конечно, ни капли не действует, и из маршрутки я выхожу, стуча зубами. Офис фирмы, где у меня запланировано собеседование, находится прямо напротив остановки; я понимаю, что согреться по дороге к нему не удастся, поэтому спрятавшись от прохожих за небольшой продуктовый павильон, энергично подпрыгиваю и машу руками. Минуты через две подобной зарядки зубы наконец перестают выдавать чечетку, а на щеках даже появляется румянец. Довольная собой спешу на встречу.

Менеджер по персоналу предупреждала, что собеседование будет проходить на втором этаже, поэтому, войдя в здание фирмы, я сразу топаю к лестнице.

Наперерез мне с перекошенным лицом кидается охранник – лысый парень лет двадцати пяти в черной облегающей форме.

– Куда прешь?! – орет он так, что плафоны в огромной люстре холла подозрительно звякают.

Не то от неожиданности, не то от волнения у меня пропадает голос; застыв на месте, я таращусь на охранника, как олененок, ослепленный фарами.

– Думаешь, у нас тут бесплатный туалет? – Охранник с ненавистью оглядывает меня сверху вниз. – Задолбали уже – прутся, как к себе домой.

С огромным трудом мне удается выдавить что-то похожее на сиплый шепот:

– Я на собеседование.

– Сегодня у нас нет никаких собеседований, так что давай – топай отсюда. – Парень хватает меня за рукав и тянет к выходу. – Если тебе нужна работа, шли резюме на электронный ящик. Понадобишься – позовут.

– Э-э-э, но я правда на собеседование, – сиплю я, пытаясь высвободить пуховик из цепких мужских пальцев. – Мне назначено на девять двадцать.

– Если б тебя ждали, меня бы предупредили. – Охранник распахивает дверь и толкает меня на улицу.

Да что ж такое-то? Может, Лаптев не шутил, когда сказал, что распространяет обо мне грязные слухи? Может, меня именно поэтому на порог не пускают?

Я растопыриваюсь в дверном проеме, как кошка, которую пихают в таз с водой, и сдавленным шепотом ору:

– Мне надо на собеседование, я никуда отсюда не уйду!

Лысый парень обалдевает от моего упрямства и на мгновение ослабляет хватку. Я выворачиваюсь и бегу в сторону лестницы. Вообще-то я быстро бегаю и вполне могла бы влететь на второй этаж, пока охранник осмысливает сложившуюся

ситуацию. Но через три метра от входа я спотыкаюсь о какой-то провод и растягиваюсь на полу. Охранник тут же нагоняет меня и прыгает сверху:

– Попалась!

От удара рухнувшей на меня туши я прикусываю губу, и во рту моментально появляется вкус крови.

– Вы с ума сошли! – кричу я, пытаясь выбраться из-под центнера живой массы, от стресса мои голосовые возможности моментально возвращаются. – Вы чего творите-то! Я, по-вашему, кто? Террористка? Я всего лишь пришла на собеседование и, готова поспорить, вас предупреждали о моем приходе. Вы просто забыли.

Мужчина наконец встает и рывком ставит на ноги меня.

– Давайте, напрягите память, – умоляю я, безуспешно пытаясь очистить от грязи испачкавшийся пуховик. – Меня зовут Майя Пирожкова, я хочу устроиться на должность переводчика.

Парень несколько секунд разглядывает меня с головы до ног, а потом криво усмехается:

– Я никогда ничего не забываю. И переводчик у нас уже есть.

Я сразу же опускаю плечи: ну вот, как всегда, не успела к раздаче тепленьких местечек, остается только на рынок – продавать капусту и шпинат (хотя откуда в нашей глуши шпинат?)

Внезапно меня осеняет.

– А давайте я позвоню менеджеру по персоналу и спрошу, ждут меня на собеседование или нет?

На лице охранника отражается ожесточенная борьба лени и жалости.

– Может, менеджер заработалась и забыла предупредить вас о моем приходе? – добавляю я, решительно вытаскивая из кармана мобильный.

– Ладно, звони, – говорит охранник и отходит за стойку с ноутбуком.

Я торопливо нахожу нужный номер в контактах, нажимаю кнопку вызова. Сердце опять разгоняется так, будто ему нужно пахать за двоих. Один гудок, второй, третий… Трубку никто не снимает.

Охранник поглаживает лысину и смотрит на меня как кот на мышонка:

– Ну?

– Не берет чего-то. – Я вытираю вспотевшие ладони о пуховик. – Можно я еще раз наберу?

Лысый вздыхает.

– Ладно, не дергайся, сейчас сам позвоню. – Он берет со стола огромную черную бандуру, больше похожую на ласту, чем на телефон, и неуклюже тыкает в кнопки.

Когда трубка оказывается у его уха, от волнения у меня начинает дергаться веко, чтобы замаскировать тик, я делаю вид, будто в глаз попала пылинка: тру веко рукой и чертыхаюсь.

– Даша, к вам тут девушка. – Охранник вальяжно откидывается на спинку стула и складывает ноги на стойку. – Какая-то Беляшова. Говорит, что хочет к нам переводчиком устроиться. – Несколько секунд он выслушивает ответ, а потом интонация его вдруг меняется – в голосе появляются заискивающие нотки: – Дашуль, а ты уже строила планы на пятницу? Нет? Как удачно! Знаешь, мне тут подогнали пару билетов на хороший фильм, а сходить не с кем. Не хочешь со мной? Пойдешь? О, класс! Давай я за тобой часиков в семь заеду.

– Кхе-кхе, – напоминаю о своем существовании я.

Охранник смотрит куда-то повыше моего плеча, наверное, в свое радужное будущее.

– Слушай, а может, после кино где-нибудь посидим? Мне брат такой крутой ресторанчик присоветовал, там шеф-повар из Франции, прикинь? С ним, кстати, после ужина сфотографироваться можно. – Лицо парня так и лучится обаянием. – Чего ты хихикаешь? Я серьезно, этот повар обязательно пару раз за вечер выходит в зал, чтобы пообщаться с гостями. У брательника с ним целая куча селфи. Хороший, говорят, мужик. Простой. Тока по-русски вообще ни фига не понимает.

Я подхожу к стойке и, чтобы привлечь внимание, легонько постукиваю по ней пальцами. Охранник отворачивается в сторону.

– Чего ты сказала, Даш? Не расслышал. Ты знаешь французский? В школе учила? Обалдеть! Слушай, так ты с этим поваром даже пообщаться можешь. – Серые глаза парня вспыхивают нездоровым энтузиазмом. – О, я придумал: давай, ты спросишь у него рецепт какого-нибудь салатика, и мы его на новогодний фуршет сготовим. А то каждый год оливье да селедка под шубой – надоело!

Набравшись наглости, похлопываю парня по плечу.

– Эй! Что там насчет собеседования?

Охранник нехотя отнимает трубку от уха и смотрит на меня так, словно забыл, кто я и откуда взялась.

– Меня ждут или нет? – Я показываю взглядом вверх.

Наконец к парню возвращается память, он кивает.

– Да-да, подымайся в двести десятый.

– Вот видите! – радостно кричу я, вприпрыжку несясь к лестнице. – Вас просто забыли обо мне предупредить.

Ко мне моментально возвращается хорошее расположение духа, и всё, что попадается на глаза по дороге к нужному кабинету, кажется чрезвычайно милым: и кованые перила, и белые вазоны с мандариновыми деревьями, и морские пейзажи на стенах. Не фирма, а санаторий какой-то! Даже сердце замирает от мысли, что я буду работать среди такой красоты.

За пару секунд очутившись на втором этаже, я вдруг вспоминаю, что суетливость не красит, сбавляю шаг, расправляю плечи и придаю лицу выражение степенности и деловитости. Вокруг тихо и пахнет виноградом, наверное, это освежитель воздуха – уж слишком приторный аромат. Плывя по коридору, я неожиданно ощущаю себя отличным профессионалом, способным осчастливить любого работодателя. У меня иногда бывают такие приступы ни чем не мотивированной уверенности в себе, к счастью, сейчас всплеск самоуважения мне только на руку.

Двести десятый кабинет обнаруживается в конце коридора. Легонько стучу и тут же толкаю дверь. Меня прямо распирает от энтузиазма: я так и вижу, как менеджер по персоналу сообщает мне, что я – именно та, кто им нужен. Ведь я ответственная. Умная. Готова работать сверхурочно.

– Добрый день, – говорю я, зайдя в кабинет, и даже голос звучит так гордо, словно мое фото недавно повесили на городскую Доску почета.

– А-а-апчхи! – раздается из-за монитора компьютера, скрывающего от меня хозяйку кабинета.

Я с трудом прячу улыбку.

– Будьте здоровы!

– Спасибо. – Из-за стола подымается миниатюрная куколка в кипенно-белой блузке. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Я расстегиваю пуховик и, устроившись на стуле, мельком оглядываюсь, надеюсь по окружающей обстановке определить психотип менеджера и ее «слабые» места. Одну из стен кабинета полностью занимает огромный стеллаж с папками, аккуратно подписанными и пронумерованными. На столе у «куклы» идеальный порядок: ручки аккуратно сложены в карандашницу, документы – в стопку.

Рядом с монитором стоит тарелка с диетическими хлебцами и кусочками яблока, а на подоконнике красуется фигурка лягушки с монеткой во рту. Я радостно выдыхаю: кажется, передо мной типичная педантка, одержимая порядком и правилами. Такие меня любят.

Девушка молчит, теребит кончик русой косы и о чем-то напряженно думает, ей это не идет: лоб перерезает целая вереница кошмарных морщин.

– Я Майя Пирожкова, – напоминаю я, слегка ерзая от нетерпения. – По поводу вакансии переводчика.

– Да-да… – Менеджер нехотя выходит из прострации и складывает руки на груди. – Я помню.

Я расстегиваю папку, выуживаю из нее красный диплом и трудовую книжку, торопливо припоминаю важные цифры моей профессиональной биографии. Менеджер смотрит на мои приготовления с неприязнью.

– Тут вот какое дело… – Ее кукольные губки еле шевелятся, и мне приходится напрячься, чтобы разобрать сказанное. – Вчера директор распорядился принять на должность переводчика другую девушку.

– Что?

– Для меня это тоже стало неожиданностью, – куколка делает большие глаза. – Когда я показывала директору лучшие резюме, он велел пригласить на собеседование только вас. Я думала ваше трудоустройство – вопрос решенный. – Она театрально вздыхает. – Даже не представляю, почему Сергей Аркадьевич так резко передумал. И поверьте, мне очень жаль, что я не успела отменить ваше собеседование.

– Понятно. – Я медленно собираю документы обратно в папку, встаю и с высоко поднятым подбородком иду к выходу. – Тогда до свидания.

– До свидания, – с нескрываемым облегчением говорит куколка и задорно хрустит кусочком яблока.

Закрыв за собой дверь, прислоняюсь к стене и медленно сползаю на корточки. Мне нечем дышать, грудь сдавливает будто тисками. «Это все из-за Лаптева, – гудит внутренний голос. – Он действительно промывает мозги любому, кто думает взять меня на работу».

Я готова расплакаться от обиды и тоски. Некстати вспоминается, что меньше чем через месяц Новый год, а у меня нет денег на подарок Алёнке.

Через пару секунд гнев вытесняет печаль. Нет, нельзя это так оставлять. Я подскакиваю и несусь по коридору, внимательно читая позолоченные таблички на дверях.

Ага, вот и приемная директора. За столом сидит немолодая коротко стриженная брюнетка, видимо, секретарша, бодро стучит по клавиатуре компьютера.

– Директор у себя? – Я чувствую, как душа превращается в кипящий котел с подпрыгивающей от пара крышкой.

– Да, но к нему сейчас нельзя, – бормочет женщина, не поднимая головы. – У него совещание.

Хмыкнув, я толкаю дверь начальственного кабинета и вваливаюсь к директору. Там действительно какое-то собрание: длинный стол буквой «Т» плотно утыкан людьми, половина из которых истошно горланит, перебивая друг друга и яростно жестикулируя. Правда, с моим появлением спор моментально обрывается, все поворачиваются к пожилому бородатому мужчине во главе стола, наверное, ожидая, что он как-то объяснит мое внезапное появление.

– Кто вас сюда пустил? – спрашивает бородач, и его глаза цвета кофе наливаются гневом.

– Она сама ворвалась, я говорила, что нельзя, – испуганно пищит из-за моей спины секретарша. – Вызвать охрану?

– Не надо никого вызывать! – Я подхожу вплотную к столу и смело смотрю в глаза бородатому. – Просто ответьте на один вопрос, и я сразу уйду.

– Вы журналистка?

– Нет, я хотела устроиться к вам переводчиком, но вы отклонили мою кандидатуру, не дождавшись собеседования. Я хочу знать – почему? Вы звонили Лаптеву, да? Вы звонили, и он сказал, что я веду аморальный образ жизни, не так ли?

Все присутствующие таращатся на меня с нескрываемым любопытством, а лицо мужчины во главе стола напоминает непроницаемую маску.

– Это неправда! – восклицаю я, не дождавшись ответа. – Неправда! Я не пью и никогда не занималась проституцией. Лаптев распускает обо мне гнусные сплетни, потому что мы были любовниками, и я его бросила.

Бородач берет со стола стакан с водой, делает несколько глотков и только потом отвечает:

– Милая девушка, я не знаю никакого Лаптева.

Мой боевой задор моментально облетает, и я готова провалиться сквозь землю.

– Правда?

На лицах некоторых мужчин и почти всех женщин, сидящих за столом, проскакивают мерзкие улыбочки.

Бородач возвращает стакан на место и откидывается на спинку кресла.

– Я отклонил вашу кандидатуру, потому что мой заместитель уговорил взять на место переводчика его племянницу.

– Очень хорошая девочка, – поддакивает слащавый задохлик, сидящий справа от директора. – Еще учится, но по-английски лопочет только так.

Мои щеки становятся пунцовыми, ехидные взгляды сотрудников фирмы прожигают насквозь.

– Извините, я всё не так поняла, – через силу бормочу я и вылетаю из кабинета.

Глава 3. В активном поиске работы

Выйдя из здания фирмы, я сажусь на первую попавшуюся скамейку с намерением немного всплакнуть. А что? У меня гормоны – мне можно. Нахмурившееся небо и промокшая нога замечательно настраивают на депрессивный лад.

«Я невезучая, – мысленно констатирую я, и внутри всё сжимается. – Моя жизнь катится в тартарары».

Хлюп! В носу противно пощипывает, и первые слезинки бодро сбегают по щекам и капают за воротник.

«Похоже, мне придется торговать семечками на остановках», – немного подумав, добавляю я, и в этот исполненный трагизма момент рядом со мной, прямо на папку с документами, приземляется проспиртовавшийся дядечка в засаленном женском пуховике. Правый глаз у незнакомца слегка заплыл, а левый обведен черным застарелым синяком. Впрочем, взгляд у господина бодрый и даже слегка радостный, наверное, потому что сейчас у него ланч: в одной руке джентльмен бережно держит бутылочку боярышниковой настойки, в другой – пирожок.

– Извините, но вы сели на мои документы! – с откровенным возмущением говорю я.

– Серьезно? – Мужчина слегка ёрзает, сосредоточенно прислушиваясь к ощущениям. – Действительно. – Он еще раз откусывает пирожок и только после этого, не вставая, вытягивает папку из-под себя. – Держи.

– Спасибо. – Я бережно прижимаю пластиковый конверт к себе. Кажется, от него теперь несет закисшими картофельными очистками. Я по-прежнему намерена дать волю слезам, ведь мне всегда становится легче, если удается выплакаться.

Так, и на чем я остановилась? Закусываю губу, пытаясь вспомнить свои грустные прогнозы. Ага, я думала, что работа по специальности мне не светит, и придется торговать на остановке. Буду сидеть такая в платочке, в валенках, на старом деревянном ящике и голосить: «Семечки! Кому семечки!» А мимо меня на дорогих иномарках будут проноситься одноклассники, однокурсники, соседи всякие.

– Отличная погодка сегодня, да? – Дядечка с пирожком по-дружески пихает меня локтем. – Самое то, чтобы гулять, дышать свежим воздухом, кормить лебедей на пруду…

– У нас в городе нет пруда, – бурчу я и поспешно отодвигаюсь на самый край скамьи. – И лебедей тоже нет.

– А погода хорошая есть! – радостно восклицает мужчина и залпом осушает свою стекляшку.

Мне хочется ляпнуть что-нибудь грубое, но нос учуивает запах жареного теста, и раздражение тут же улетучивается. Живот многозначительно бурчит, а рот наливается слюной. Я ведь с детства без ума от покупных пирожков! Каждый раз, когда родители брали меня маленькую на базар, я обязательно клянчила у них беляш или пирожок с ливером. Правда, соглашался на мои уговоры только папа. Мама всегда потчевала меня страшилками, уверяла, что все продающееся на улице – с начинкой из бродячих кошек и собак. К тому же, о ужас, пожарено на старом масле. Для мамы это было во стократ хуже фарша из дворняжек.

– Это у вас с ливером пирожок? – требовательно спрашиваю я у соседа по скамье.

– Ага.

– Где взяли?

– А вон за тем ларьком. – Мужчина доброжелательно тычет в сторону павильона «Евросети». – Их моя сестра продает. Скажи ей, что ты от Семена, она тебе скидку сделает.

Ноги сами несут меня в указанное место, и там я легко обнаруживаю пропахшую перегаром тетку в грязном фартуке поверх пальто. У нее красные обветренные руки и темно-зеленые кромки ногтей. Она то и дело шмыгает носом так, что в горле хлюпает и клокочет.

Кошмар! Готова поспорить, эта милая дама и слыхом не слыхивала ни о какой санкнижке. Но это с одной стороны. А с другой – эндокринолог велела мне хорошо питаться. И у меня, кажется, уже голова кружится от голода. Так и до обморока недалеко…

Наплевав на чувство самосохранения, я покупаю у продавщицы сразу два пирожка и, едва отойдя в сторону, вгрызаюсь в первый золотистый комочек. Он восхитителен: горячее тесто так и тает во рту, а начинка сочная и остренькая, почти без хрящиков. Всего минута, и пирожки уже приятно греют меня изнутри.

«А теперь в аптеку – за таблетками от изжоги, боли в желудке и кишечной инфекции», – бубнит внутренний голос. Но душа настоятельно требует добавки. Немного подумав, набираю в кошельке мелочи на еще один пирожок и возвращаюсь к торговке.

– Подожди-ка, – бормочет обладательница чумазого фартука и, отойдя на шаг от бочонка с пирожками, сморкается прямо на землю. Пальцами.

«Все-таки лучше не переедать, – решаю я и прячу деньги обратно в карман. – К тому же много жареного и правда вредно для здоровья». Я делаю вид, что у меня появились срочные дела и пячусь от бочонка прочь. Почти сразу налетаю на какого-то сурового дядечку.

– Такая рань, а она уже набралась, – ворчит он, отлепляя меня от своей серой куртёшки.

– Это для вас рань, – обиженно огрызаюсь я и отплевываюсь от выбившихся из-под шапки волос. – А кое-кто уже и на собеседовании был, и с охранником подрался.

Он закатывает глаза и поспешно удаляется. Подумаешь, какие важные! Ну, врезалась. Так нечего одеваться в маскировочные цвета. Сольются тут с окружающим миром, а потом ворчат на прохожих. Тьфу! Я гордо вскидываю

подбородок и с независимым видом шагаю к остановке.

***

Я еду домой на маршрутке, мозг тарахтит так, что ломит в висках. Куда бы мне еще сходить в поисках работы? Куда? От дорожной тряски мысли все время перепутываются. Каждые пять минут кажется: вот оно! – я нащупала чудесную идею по собственной занятости, а потом – бум! Маршрутка подпрыгивает на какой-нибудь кочке, и идея улетучивается без следа. К концу поездки я совершенно без сил, и мне очень хочется позвонить Андрею и попросить взять меня обратно.

К счастью, когда я вылезаю в родном микрорайоне, свежий воздух приводит меня в чувства. Я зеброй прыгаю через лужи и каменею. Всё! Хватит таскаться по городу в поисках Эльдорадо, ну, то есть работы по специальности. Пойду в первое место, куда меня захотят взять. Например, в магазин «Магнит»; позавчера мама говорила, что видела на входе объявление о наборе продавцов. «Магнит», конечно, не предел мечтаний, но там, вроде, разрешают забирать себе просроченные творожки, а творожки – это очень полезно, особенно для тех, у кого из-за гипертиреоза из костей вымывается кальций. Кто знает, может, окрепну на творожках и через год-другой смогу найти себе что-нибудь действительно стоящее?

Я довольно энергично добираюсь до дома, но когда подхожу к крыльцу, на меня вновь накатывает невыносимая слабость. Наверное, это гормоны, стресс и моральная неудовлетворенность. Юркнув в дом, я кое-как подымаюсь на третий этаж, после чего плюхаюсь прямо на ступеньки и расстегиваю пуховик. Мне опять не хватает воздуха, а сердце стучит так, что, того и гляди, разукрасит грудную клетку узором из художественных вмятин.

Очень кстати вспоминаю, как на днях мама уверяла меня, что самое безопасное лекарство от стресса – медитация. Закрываю глаза и пытаюсь представить какую-нибудь позитивную картинку. Психологи считают, что на психику лучше всего действуют морские берега, луга и леса. На море я ни разу не была, а лес – ну его, там клещи. Решаю представить луг.

Воображение и радо стараться: секунда – и я уже сижу не на грязной ступеньке, а посреди высокой изумрудной травы. Солнце светит в лицо, ветер гладит

плечи, пташки и кузнечики услаждают слух. Слева от меня куст цикория с небесно-голубыми цветами. Справа сладкой булочкой благоухает тимьян. Я только наклоняюсь к нему, чтобы понюхать, как в кармане верещит телефон. По рингтону понимаю, что звонит мама.

– Тебя можно поздравить? – Ее голос полон сарказма.

– Нет.

– А я говорила! Кому нужен работник с такой душераздирающей физиономией, как у тебя?

– Дело не в физиономии. Просто на место переводчика взяли…

– Тебе надо активно заниматься самовнушением, – перебивает мать. – Как придешь домой, возьми лист бумаги и сто раз напиши на нем: «Я – оптимистка. Я излучаю жизнерадостность».

– Чего?

– Потом подойди к зеркалу и, глядя себе в глаза, повтори эту же фразу вслух. Раз двадцать. – Мама ненадолго задумывается. – Хотя нет, двадцать – мало, повторяй раз пятьдесят. В твоем случае чем больше, тем лучше. Только старайся, чтобы голос звучал уверенно.

Я в ужасе хватаюсь незанятой рукой за голову:

– Ты это серьезно?

– Так, всё. Хватит отвлекать меня от работы.

В трубке идут гудки. Я снова закрываю глаза, но всей энергии моего буйного воображения не хватает для регенерации кузнечиков и тимьяна. Делать нечего, собрав в кулак остатки силенок, плетусь на пятый этаж. Мысли только о диване.

– Разденусь и сразу лягу, – обещаю я себе, отпирая замок. – Мне, в конце концов, надо выполнять советы эндокринолога: меньше двигаться, больше лопать.

Я открываю дверь, и из квартиры, чуть не сбив меня с ног, вылетает соседская кошка. Хоть одной проблемой меньше!

Радость моя, впрочем, длится не долго: разувшись, я сразу наступаю в лужу кошачьей мочи. Теперь мокрые у меня обе ноги. Ох! Я быстро стягиваю джинсы и колготки и шлепаю в ванную за тряпкой.

Мытье полов дается мне с трудом: кружится голова, шумит в ушах, а правую ногу то и дело скручивает судорогой. Когда следы лужи наконец исчезают, я бросаю тряпку у двери и на четвереньках ползу в гостиную, надеясь растянуться на ковре: сил идти до дивана уже нет. Вот только в гостиной меня ожидает очередной сюрприз: выводок маминых алоэ сброшен с подоконника, а на ковре комья земли и куски минтая. Сразу видно: кошка замечательно порезвилась, пока меня не было дома.

Я утыкаюсь лицом в ковер и хнычу. Ну почему я такая тетеря? Почему пожалела пару минут на то, чтобы выгнать вредную животинку из квартиры?

***

О том, что собиралась поискать вакансии, я вспоминаю только после ужина. Озарение приходит одновременно с желанием вздремнуть. Я устраиваюсь на диване с ноутбуком и на пару минут прикрываю глаза, чтобы настроиться на рабочий лад. Через полчаса в комнату заглядывает мама:

– Ты не знаешь, что случилось с моими алоэ?

– А? – Я тру глаза и с трудом припоминаю, какой сегодня день. – В смысле?

– Их всех как будто перекосило, ты что, не видела?

– Нет.

– Ну так посмотри!

Я нехотя сползаю с дивана и шлепаю в гостиную, с показной тщательностью инспектирую подоконник.

– По-моему, нормальные алоэ…

– Да нет же! – Мама встревожено теребит листья и выражает лицом глубокое смятение. – Они все набекрень.

Я пожимаю плечами.

– Наверное, в водопровод попали какие-то едкие примеси. Лучше ближайшие дни покупай воду в магазине, а то у нас тоже что-нибудь станет набекрень.

Мама испуганно таращит глаза, а я торопливо ретируюсь в свою комнату.

За несколько секунд моего отсутствия Алёнка успела соорудить на диване крепость из кубиков и заселила ее резиновыми мишками и хрюшками. Пытаюсь незаметно отодвинуть одну из крепостных стен, чтобы втиснуться рядом с ноутбуком…

– Мама! – тут же визжит дочь. – Не трогай ничего – сломаешь!

– Но мне надо…

– Какой милый диванчик, – Алёнка вмиг раскладывает на клавиатуре бука весь свой зверинец и укутывает его краем покрывала. – Тихий час. Все закрываем глазки.

– Компьютер не игрушка. – Я торопливо спихиваю зверят и сползаю с ноутбуком на пол, пока дочь и из меня не сделала мебель или дерево – она это любит.

Через пару секунд что-то больно врезается мне в затылок. Оглядываюсь и вижу рядом с собой резинового тигра. Подымаю глаза на дочь.

– Давай ты будешь играть за котика? – заискивающе улыбается она и наклоняет голову набок. – Говори: «Пустите переночевать».

– Мне некогда.

– «Пустите меня переночевать! – повышает тон Алёнка. – Замерзли ушки, намокли перышки».

– Мне надо искать работу.

– Пустите переночевать!!!

– Алёна, я тебе сказала: мне некогда!

– Тебе всегда некогда. – Дочь набирает полную грудь воздуха, чтобы от души зарыдать, но, к счастью, в комнату вновь врывается мама:

– Зачем ты отклеила аффирмацию от зеркала?

– Я ничего не отклеивала, – с оскорбленным видом парирую я. – Она сама отвалилась. От сырости.

Алёна забывает о своих обидах и с интересом следит за развитием событий. Мать складывает руки на груди и смотрит на меня как на двухвостку.

– Прямо-таки сама? Прямо каждая буковка взяла и отвалилась?

– А что ты хотела? – Мое недоумение звучит довольно искренне. – В ванной совсем не работает вытяжка. Еще немного, и там всё будет в плесени.

Мама подходит к Алёне и с каким-то остервенением подтягивает ей колготки.

– Я всё равно приклею аффирмацию обратно.

– Как хочешь. Главное, чтобы она снова не отвалилась.

– Я ей отвалюсь! Я ей так отвалюсь – мало не покажется!

Я демонстративно вздыхаю, а потом, сунув «напавшего» на меня тигра в карман маминой кофты, медовым голосом сообщаю:

– Алёнушка, бабуля с удовольствием с тобой поиграет.

Мама, как ошпаренная, кидается к выходу.

– Нет-нет, я не могу. У меня еще борщ не сваренный.

Алёна сигает с дивана и проворно семенит за любимой бабулей.

– Ну, баб! Ну, один разочек.

Я быстро проверяю аккаунты в соцсетях, после чего набираюсь смелости и открываю любимый городской портал, судорожно вчитываюсь в столбец объявлений о работе. Вакансий немного, и все какие-то однотипные. Большинство объявлений, если перевести с высокопарного языка на обычный, звучат примерно так:

«Где ты, победительница конкурса «Мисс Вселенная»? Айда ко мне в официантки. Сможешь сутками торчать на свежем воздухе, ведь моя забегаловка – шалаш из соломы, с туалетом на улице. Твои обязанности: непрестанно скалиться, маскировать прокисшие салаты укропчиком и воодушевлять упавших духом (под стол) посетителей».

Или так:

«В зоомагазин за три копейки требуется продавец-кассир-уборщица-сторож. Обязанности: намывать аквариумы и клетки, выводить на месте новые породы кроликов, развлекать хомячков, изредка забредающих в магазин, вязать на продажу варежки из шерсти морских свинок».

Каждое третье объявление – вербовка в проститутки, каждое четвертое – предложение вступить в секту какой-нибудь косметической фирмы.

В раздражении захлопываю ноутбук. Кажется, мне срочно нужны антидепрессанты. Печеньки подойдут.

Только подумала – глядь, я уже на кухне – вскрываю пачку курабье.

– Я тоже хочу печеньку, – требует Алёнка, не отрываясь от выкладываемого на столе панно из сахара и чайных ложек.

Перебарываю жадность и аккуратно прилаживаю к ее картине несколько курабьешек. Получается очень красиво.

– Майя, куда ты дела минтая? – голосом опытного следака интересуется мама, елозя по старой терке ярко-оранжевой морковью.

– Какого минтая?

– Мороженого. Которого мы два дня назад купили.

– Никуда не дела, – бормочу я. Не выкладывать же про кошку, уничтожившую пакет с минтаем почти полностью. – Я вообще не помню, чтобы мы рыбу покупали.

Мама отправляет «обмылок» морковки в рот и, бодро похрустывая, взглядом выжигает на мне затейливые узоры.

Я дергаю плечами.

– И чего ты так на меня смотришь? Куда бы я дела твоего минтая? В ванну выпустила? Или съела?

Мать пожимает плечами и с обиженным видом принимается за рубку лука.

«Дозу антидепрессантов надо повышать», – решаю я и запихиваю в рот еще несколько печенюшек. На душе заметно легчает, меня даже тянет на светские разговоры. Я несколько раз перекатываюсь с пяток на мыски и обратно и глубокомысленно констатирую:

– С работой тухляк.

С маминых ресниц срываются две симметричных слезинки, трогательно скользят по щекам. Я внутренне сжимаюсь.

– Мамочка, ты чего? Расстроилась? – Я подскакиваю к матери и осторожно глажу ее по спине. – Не переживай ты так, я обязательно что-нибудь найду.

Она шмыгает носом.

– Вот ведь зараза! Как глаза-то ест. Не лук, а какое-то химическое оружие. – Мама неуклюже утирается рукавом и поворачивается ко мне. – Чего ты там сейчас бормотала, я прослушала?

Молча забираю у нее нож и доску и быстро дорезаю остатки лука; на душе скребут кошки.

К девяти часам вечера, после еще одной вылазки в Интернет, на федеральные сайты поиска работы, чувствую себя совершенно вымотанной и мечтаю о спячке. Как у медведя. По закону подлости Алёна бодра и весела, перевоплотившись в ромашку, скачет на одной ноге и отказывается ложиться.

Я решаю «купить» себе сон. Чтобы родная мать не подвергла меня остракизму за педагогическую несостоятельность, закрываю дверь в комнату, после чего говорю:

– Алёна, зайка, если ты прямо сейчас угомонишься, я разрешу тебе лечь со мной.

Дочь аж пищит от радости. Она, в отличие от своей бабушки, не считает, что сон с мамой превратит ее в инфантильного заморыша. Мы быстро переодеваемся в пижамы и устраиваемся в обнимку под верблюжьим одеялом.

– Спокойной ночи, – приказным тоном говорю я и с восторгом закрываю глаза.

Минуту Алена честно пытается уснуть, потом начинает ерзать.

– Ты не спишь?

– Сплю.

Она складывает из пальцев ручки человечка и, хихикая, шагает им по мне.

– Смотри, по тебе кто-то ползет.

– Я сплю, – бурчу я, стряхивая с себя маленькую ручку.

Дочь вздыхает, несколько секунд лежит спокойно, потом начинает спихивать с себя одеяло:

– Фу! Мне что-то жарко…

Я старательно игнорирую ее брыкания, надеясь, что, сочтя меня спящей, Алена проявит сознательность и по-быстренькому уснет.

Но нет, дочь закидывает ноги на стенку и начинает пятками рисовать на обоях непонятные загогулины.

– Не балуйся, – не выдерживаю я и сталкиваю ее ноги со стены.

Дочь оживляется.

– А Настя с родителями на Новый год поедет в Сочи.

– Очень хорошо. Спи.

– А правда, что в Сочи зимой нет снега? И трава растет? И пальмы зеленые?

– Правда.

– А давай тоже на Новый год в Сочи поедем? – В Алёнином голосе слышится столько надежды, что мне становится больно.

Я разлепляю глаза и глажу дочь по спине.

– Котенок, у нас пока нет на это денег. Может, через год или два.

Обещаю, а сама не верю, что когда-то мы сможем позволить себе отдых на море.

Дочь переворачивается на спинку и поспешно задирает на себе кофту:

– Животик еще погладь.

Я глажу. Ее кожа покрывается забавными крохотными мурашками, и хочется расцеловать каждую.

– А летом? – чуть не подпрыгивает Алёнка. – Давай летом поедем в Сочи? Лиза и Матвей рассказывали, что там можно плавать с дельфинами.

Мое самоуважение обваливается до нуля: похоже, у моего ребенка самое обездоленное детство во всей садовской группе.

– А может, заведем котика? – не унимается дочь. – Соне бабушка подарила котика. А у Кати есть сумка в виде мишки. Может, ты купишь мне сумку в виде мишки?

Виш-лист обновляется еще минут десять, а потом дочь наконец засыпает. На меня же, как назло, обрушивается бессонница. Я таращусь в темноту и кусаю губы. В голове тяжелым молотом бухает вопрос: где? Где найти работу, на которой я смогу заработать хотя бы на сумку в виде мишки?

Глава 4. Козерог в шкурке Водолея

На следующий день ударил мороз: дворы, помятые оттепелью, застывают в один сплошной каток; поднимается ветрище, небо плюется мелким колючим снегом. Даже мама, для которой нет плохой погоды, глянув в окно, предлагает мне отложить поиски работы и посидеть пару дней дома.

– Ты у нас такая раззява – возле крыльца сразу и навернешься, – заботливо говорит она, попивая кофе. – Носись с тобой потом загипсованной.

Я торжественно обещаю не высовывать носа из квартиры. Мама на радостях выдает мне с десяток хозяйственных поручений, после чего утаскивает Алёнку в сад. Выжидаю минут пять после их ухода и начинаю одеваться. Сегодня я решила наведаться в центр занятости; надежд на него мало, но сидеть сложа руки выше моих сил.

По дороге к остановке начинаю подозревать, что я подкидыш: родители у меня русские, морозостойкие, а я как в теплице росла. Каждый порыв ледяного ветра для меня словно удар под дых: я задыхаюсь, слезятся глаза, а пальцы вмиг становятся деревянными.

На остановке толпа, значит, маршрутки ходят еле-еле. Вместе с другими ожидающими я прячусь в ссутуленную коробку из жести, и, сунув руки в карманы, морально настраиваюсь на долгое ожидание.

– Ой, а я вас знаю, – радостно сообщает розовощекий молодец, притопывающий в углу, залепленном объявлениями. – Вы к нам вчера на фирму приходили.

Скучающие люди мгновенно поворачиваются в нашу сторону и с интересом следят за развитием событий.

– А вы точно не занимаетесь проституцией? – весело любопытствует розовощекий, поправляя засаленный кепарик. – А то я бы с вами не прочь. Но только если не дорого.

– Молодой человек, вы обознались, – промерзшими губами шепчу я и выскакиваю обратно на ветер – пусть уж меня лучше сдует к чертовой матери, чем еще секунда позора.

Шутник выходит следом и игриво толкает меня плечом так, что я чуть не наворачиваюсь в окаменелый сугроб.

– Эй, да не обижайся ты. Я же просто познакомиться хочу.

Я делаю вид, что не слышу, отворачиваюсь в сторону и мысленно призываю маршрутку, как медиум духов.

– Телефончик-то дашь? – Розовощекий изловчается и игриво щиплет меня за щеку. – Или так и будешь ломаться?

Люди в павильоне остановки вытягивают шеи, чтобы уловить мой ответ. Я набираю полную грудь воздуха и, скукожившись, шагаю прочь. Благо до центра занятости недалеко, пара остановок.

***

– Снегурка, паспорт! – тормозит меня в холле мекки безработных охранник.

Я растерянно хлопаю заиндевевшими ресницами и изо всех сил пытаюсь не дрожать.

– У меня нет с собой паспорта.

– Без документов не пущу. – Пожилой мужчина грозно сводит на переносице кустистые, тронутые сединой брови. – Требования безопасности.

Когда я понимаю, что через секунду мне опять придется нырнуть в буран, на глаза наворачиваются слезы:

– Ну, пожалуйста! Я ведь ненадолго. Мне только вакансии глянуть на доске объявлений.

– А из дома никак? – удивляется охранник. – Интернета нету?

Сразу понимаю, что я тупица. Ведь и правда: зачем я тащилась сюда в мороз, если все вакансии центра есть на его сайте?

Глядя на мое несчастное лицо, охранник вдруг смягчается:

– Ладно, иди, одна нога здесь, другая там.

Я прохожу в просторный зал, где сидят инспекторши и выставлены стенды с объявлениями, и первым делом кидаюсь к батарее. Одновременно со мной к ней

подлетает молоденькая девушка в шапке с кошачьими ушками. С вежливой улыбкой уступаю незнакомке половину «гармошки».

– Ну и погода сегодня, правда? – говорит она, прижимаясь к батарее синеватыми ногами в тонком капроне.

Я вежливо киваю. Некоторое время мы молча отогреваем конечности, а потом девушка-кошка начинает плакаться мне на жизнь. Не знаю почему, но незнакомые люди частенько выбирают меня своей жилеткой. То ли вид у меня жалостливый, то ли глаза добрые. Девушка-кошка неторопливо рассказывает, что она – Рита, бухгалтер, что без опыта работы ее никуда не берут. Я делаю сочувствующее лицо и начинаю бормотать про то, что рано или поздно она найдет свое место под солнцем…

– А ты кто по профессии? – перебивает меня соседка по батарее.

– Учительница английского.

– Да уж, – скривившись, Рита поправляет цветастый шарф с бахромой. – Ты еще больший неликвид, чем я.

Мы солидарно вздыхаем от тяжести бытия, а потом я начинаю бродить вдоль стендов, внимательно вчитываясь в объявления.

– Да нет там ничего, – бурчит новая знакомая, доставая смартфон и вытягивая губки для селфи. – Я уже смотрела.

Но мне надо лично убедиться, что надежды напрасны. Только проглядев список вакансий раза три, я возвращаюсь к батарее – подкопить тепла на дорожку.

– Слушай, а администратором в доме культуры не хочешь поработать? – вдруг предлагает Рита, постя свежие фото в Телеграм.

– В каком доме культуры?

– В «Салюте». Он негосударственный, так что платят нормально.

У меня екает сердце: после месячных мытарств без работы, вакансия администратора кажется мне манной небесной.

– А с чего ты решила, что в «Салюте» требуется администратор? – осипнув от нахлынувших надежд, интересуюсь я.

– Да у меня тетка там директор. Позавчера звонила, зазывала к себе. Но я не хочу. В этом «Салюте» одни пенсионеры кучкуются – скучища!

Чтобы не запрыгать от радости, мне приходится изрядно поднапрячь самообладание.

– Если ты не против, я прямо сейчас туда наведаюсь.

– Давай, – кивает Рита, не отрывая взгляда от телефона. – Тёть Оле от меня привет.

Несмотря на то что из документов с собой у меня только резюме, я сразу отправляюсь в дом культуры, он в десяти минутах езды от центра занятости. Мне кажется, что любое промедление приведет к тому, что вакансию уведут у меня из-под носа.

«Салют» – двухэтажный детеныш советского минимализма; у него панельные стены, огромные окна, крыльцо с квадратными колоннами. Сколько себя помню, здание напоминало чахнущую дворняжку: на стенах разрастались лишаи отколовшейся штукатурки, язвы-трещины и грязные потеки. А старая черепица по весне сходила вместе со снегом. Но не так давно у дома культуры сменился владелец – здание отремонтировали и выкрасили в белый цвет, над входом прилепили помпезную надпись. По ночам она подсвечивается красным.

На мое счастье, вместо охранника в доме культуры – жизнерадостная бабушка-гардеробщица в огромном, как одеяло, шерстяном платке. Я сдаю ей свой пуховик и спрашиваю, как найти директора.

– Ой, дочка, она где-то на втором этаже ходит. – Бабуля подает мне пластмассовый номерок и машет рукой в сторону лестницы. – Поднимись и поищи.

– А как я ее узнаю?

Бабуля весело подмигивает.

– У ней голосище командирский. Мимо не пройдешь.

И правда, еще ковыляя к лестнице, я слышу крик, сотрясающий стены:

– Зойка, курица ты неощипанная, ты почему до сих пор пятую аудиторию не вымыла?! Я еще позавчера просила, чтоб к утру все блестело!

Только не это! Мои ноги мгновенно деревенеют и отказываются идти дальше: у меня с детства фобия скандальных женщин, рядом с ними я впадаю в ступор и теряю способность соображать. «Сумка в виде мишки, – затравлено напоминает внутренний голос. – К Новому году нам нужна сумка в виде мишки». Я делаю несколько глубоких вдохов, и способность двигаться потихоньку возвращается. Спотыкаюсь, но тащусь наверх.

Вот и второй этаж. Посреди коридора, уперев руки в бока, стоит полная женщина в красном платье и с перекошенным лицом заглядывает в один из кабинетов.

– Сейчас сексолог приедет, куда его сажать? Куда мне его сажать, я спрашиваю?!

Из кабинета раздается вялое бормотание – обладательница командирского голоса и копны осветленных волос в придачу недовольно морщится.

– Так, Зоя, хватит блеять тут! Тряпку в руки – и в пятую. Если через полчаса там будет всё тот же срач, уволю к чертям!

Она поворачивается и с разъяренной физиономией прёт на меня. Я отпрыгиваю в сторону и вжимаюсь в стену, моля провидение сделать меня незаметной. Ко мне сразу приходит понимание, что работа администратора – не мое. Я человек мягкий, ранимый…

– Кто такая? – Женщина в красном останавливается рядом со мной и глядит так, будто я только что предала родину. – Из пожарки? Из санэпидемстанции? Вы заколебали уже своими проверками! – Она вырывает из моих рук прозрачную папку и внимательно вглядывается в содержимое. – Что это?

– Ре… Резюме. – Голос слушается меня с трудом. – Я по поводу работы. Мне Рита сказала, что вам требуется администратор.

Женщина достает из папки листок с моими данными, быстро-быстро пробегает его глазами, после чего холодно интересуется:

– А кто такая Рита?

– Ваша племянница.

– У меня нет племянниц. – Густо накрашенные серые глаза угрожающе сужаются.

– Простите, наверное, обозналась. – Я умираю от желания бежать из «Салюта», сверкая пятками. – Мне нужна Ольга Викторовна, директор.

– Это я и есть.

– Странно, – говорю я и пячусь к лестнице. – Я, наверное, лучше пойду.

– Стоять! – гаркает директорша и, схватив меня под руку, втаскивает в один из кабинетов.

Обстановка там напоминает школьный класс: ряды парт, доска, на стенах какие-то плакаты. Директорша толкает меня на один из стульев, возвращает мне папку и резюме.

– Администраторы мне не нужны, зато нужны руководители кружков. Я смотрю, ты английский преподавала. – Она садится на край стола, вытягивает ноги в проход, столешница угрожающе прогибается. – Могу предложить тебе кружок по языку. Только у нас тут исключительно взрослый контингент. Всякое там страноведение нам не надо. Нам надо, чтобы женщины после занятий могли

анкету на сайте знакомств заполнить. Ну и письма иностранных ухажеров разобрать. Сможешь такому научить?

Я киваю. Внутренний голос подсказывает, что лучше не отказываться: расплата за непослушание будет горькой.

– Только у меня все по два кружка ведут, – поспешно предупреждает директриса. – Так что в нагрузку к английскому дам тебе клуб позитивного мышления. У тебя же дополнительная специальность – психолог?

Меня передергивает.

– Нет-нет, я не могу. Позитивное мышление – это не мое. Вы мне лучше кружок кройки и шитья дайте. Или там вязания.

– А ты что, хорошо шьешь?

– Нет, но могу научиться. Прямо сейчас приду домой – накачаю себе обучающих видеороликов…

Ольга Викторовна прерывает мою тираду оглушительным шлепком по столу.

– Слушай, мне тут с тобой некогда препираться. Если я сказала, что надо вести клуб позитивного мышления, значит, именно его ты и будешь вести.

– Ну не знаю, – нервно ерзаю я. – Не уверена, что у меня получится.

Директриса внимательно оглядывает меня с ног до головы и качает головой.

– Я что-то тоже уже не уверена. Мне в коллектив нужны люди энергичные, жизнерадостные… Ты кто по гороскопу?

– Козерог.

– Серьезно? – Женщина мрачнеет. – Ужас какой! Самый тяжелый знак. Я надеялась, ты хотя бы Дева.

Разочарованно вздохнув, она встает и, шагнув к зеркалу, висящему у дверей, начинает вертеться перед ним, оглядывая длинное, до пола, платье:

– Очень жаль, что ты Козерог. Мне ведь для этой работы нужен Водолей. Легкий, веселый человечек. Такой, чтобы людей тормошил и заряжал.

Я не верю своим ушам. Она что, не хочет меня брать? Из-за гороскопа? Обалдеть! Хорошо хоть не из-за цвета глаз. Уязвленное самолюбие заставляет меня воспрянуть духом. Из головы мгновенно выветривается то, что я ненавижу всевозможные тренинги позитивного мышления. Всё мое существо сосредоточивается на борьбе с дискриминацией. И на желании купить сумку в виде мишки. Я напускаю на себя уверенный вид: откидываюсь на спинку стула и кладу ногу на ногу.

– А вы знаете, что многие астрологи определяют знак зодиака не по дню рождения, а по дате зачатия?

Ольга Викторовна равнодушно пожимает плечами, покончив с досмотром платья, начинает взбивать волосы.

– Дело в том, что по дате зачатия, я как раз Водолей, – весело щебечу я, покачивая ногой. – У мамы из-за проблем с почками случились преждевременные роды. Вот и получилось, что день рождения у меня аккурат после Нового года. А так-то меня только в феврале ждали.

Щеки у меня наливаются огнем, все-таки не привыкла я с уверенным видом нести такую чушь.

Директриса наконец отворачивается от зеркала и, вернувшись к столу, несколько секунд буравит меня взглядом.

– Преждевременные роды, говоришь?

Я молчу, но изо всех сил излучаю легкость и веселье. И по-видимому, убедительно, потому что Ольга Викторовна бухает свою ручищу мне на плечо и проникновенно спрашивает:

– В понедельник сможешь приступить к работе?

Я улыбаюсь так, что скулы сводит:

– Легко!

Глава 5. Прокрастинация восьмидесятого уровня

Дома я, конечно, возвращаюсь во вменяемое состояние и, осознав, во что ввязалась, рву на себе остатки волос. О-хо-хо, мне придется вешать на уши людям какую-то лапшу. Внушать доверчивым тетенькам, что они изменят свою жизнь, если будут ходить по улице с улыбочками и писать на стенах странные лозунги. Более того, мне самой придется постоянно скалиться, как в рекламе зубной пасты! От открывающихся перспектив меня начинает трясти. Чтобы хоть немного успокоиться съедаю тарелку борща, миску жареной картошки, полбуханки черного хлеба с тмином и полбанки домашней кабачковой икры. От еды внутри немного теплеет.

А может, не всё так страшно? Ну, правда? Я ведь не БАДы пенсионерам втюхивать буду. Пару месяцев перекантуюсь в доме культуры, а потом найду работу поприличнее. Или буду так вести клуб позитива, чтобы участники быстрей разбежались.

Говорят, неприятные дела категорически нельзя откладывать на потом: чем больше времени они простаивают, тем тяжелей за них взяться. Я задумчиво стряхиваю коричневые крошки в пустую тарелку и торжественно клянусь приняться за программу тренинга позитивного мышления немедленно. В принципе, разработать цикл занятий на какую угодно тему – мне раз плюнуть: у меня красный диплом и многолетний педагогический опыт. Я подымаюсь из-за кухонного стола с лицом полным решимости. Быстрей, быстрей к ноутбуку!

Делаю пару шагов в сторону коридора и вспоминаю, что забыла выпить чаю. Нет, так дело не пойдет. Я выуживаю из холодильника банку с клубничным вареньем и наливаю себе огромную чашку «Дилмы». Незаметно пролетает минут сорок. В голове одна за другой рождаются десятки гениальных мыслей – не зря говорят,

что сладкое полезно для мозгов. И вот я снова подскакиваю из-за стола и тороплюсь из кухни, чтобы записать все свои педагогические находки. Но взгляд натыкается на огромную гору грязной посуды на столе… Боже, откуда она здесь? Кастрюля с половником, сковородка с лопаткой, куча тарелок, банок. Если я немедленно всё не вымою, мать отправит меня в ссылку. Трагически вздыхаю и понуро перетаскиваю утварь в раковину.

Вообще-то, я терпеть не могу драить посуду. Еще в детстве предлагала родителям перейти на одноразовые тарелки, но эти ретрограды оказались категорически против. Еще и лентяйкой меня окрестили. Хотя дело не в лени, а в неудобной мойке. Когда я мою тарелки, приходится так сильно наклоняться вперед, что спина превращается в один комок боли.

Свалив посуду в раковину, я открываю кран и долго пялюсь на воду – обычно это хорошо помогает настроиться на предстоящую пытку. Примерно через минуту в голову приходит спасительная мысль: «Какая посуда? Мне же ужин готовить надо».

Нахожу в холодильнике фарш. Обжариваю его, делаю подливку со сметаной, варю макароны… Пахнет так вкусно, что снова хочется есть. Но я отважно пытаюсь побороть аппетит самоистязанием, ну, то есть мытьем посуды. Не помогает. Поясница отстегивается, а есть хочется даже сильней. Бросив намыленную кастрюлю, наливаю себе большую миску подливки и достаю из хлебницы оставшуюся половину буханки.

Наконец (уже смеркается) оказываюсь в своей комнате. На автомате заваливаюсь на диван и закрываю глаза. Какая-то смутная мысль не дает покоя. Внутренний голос уверяет, что я забыла о чем-то важном. А я человек ответственный, поэтому изо всех сил напрягаю память. И от перенапряжения мгновенно проваливаюсь в сон.

***

– Почему ты выросла такой эгоисткой? – будит меня рассерженный мамин голос. – Почему? Я ведь ночей не спала, сил не жалела, чтобы вырастить тебя приличным человеком.

Я не успеваю разлепить глаза, как на спину мне приземляется что-то тяжелое.

– Скачи-скачи, мой поник! – кричит дочь и весело подпрыгивает у меня на пояснице.

– Наверное, это всё гены, – подытоживает мать таким тоном, словно выступает на педагогическом консилиуме. – Ты вся в бабушку, та тоже только о себе и думала.

Я с огромным трудом сбрасываю с себя маленькую наездницу и, перевернувшись, сажусь.

– Мам, ты чего?

– Я «чего»? – еще сильней разъяряется маман. – Это я «чего»? Посмотрите, какая наглость!

Дочь обхватывает меня за шею руками, а ноги заплетает на моей талии.

– Покатай меня, большая черепаха! – орет она прямо мне в ухо.

– Что случилось-то? – Я отчаянно пытаюсь избежать удушения и одновременно разобраться в маминых претензиях.

– Зачем ты весь хлеб стрескала, хрюшенция?

– Так это ты из-за хлеба так причитаешь?

Мать качает головой и с несчастным лицом выходит из комнаты. Я скачу за ней с Алёнкой на спине:

– Мам, я случайно. Даже не заметила, как это получилось. Если хочешь, я прямо сейчас схожу за хлебом.

– Не надо. Перебьюсь. – Мать с треском захлопывает дверь в свою комнату.

А я вдруг вспоминаю, что должна готовить программы занятий для дома культуры. Вернувшись к себе, сбрасываю Алёнку на диван и сажусь к ноутбуку.

Так… С кружком английского всё просто: достаточно только немного скорректировать свои старые поурочные планы, рассчитанные на детей. А вот что делать с клубом позитива?

Дочь пытается вскарабкаться мне на колени.

– Поиграй со мной. Давай я буду котик, а ты меня гладь.

Я прижимаю колени к груди и показываю «котейке» язык.

– Попозже, сейчас мне некогда.

– Поиграй. – Дочь притаскивает из угла комнаты коробку с настольными играми. – Хотя бы в ходилку, один разочек.

У нас много всякого добра, но она выбирает именно ту ходилку, которую я ненавижу – «Прогулку с динозаврами». В этой игре так много всяких ловушек, что играть нужно минимум час.

– Какую тебе дать фишку: красную или желтую? – заботливо спрашивает дочь, раскладывая на полу игровое поле.

– Алёна, мне некогда!

– Я же сказала: один раз поиграем и всё.

– Потом. Завтра. Или…

Дочь делает трогательные глаза.

– А в лото?

– Алёна, милая, пожалуйста, дай мне поработать.

Моя девочка в сердцах отшвыривает коробку и смотрит на меня с вызовом:

– Тогда я хочу кушать.

Я судорожно вздыхаю, но вытаскиваю себя из-за стола: кушать – это святое.

Пока миска с макаронами для дочери кружится в микроволновке, мой мозг продолжает размышлять над программой занятий.

Так! Мне следует немедленно раздобыть хотя бы пару книг об оптимизме. Но где? У мамы точно есть, но теперь, после ссоры, она не даст. Будет дуться и бойкотировать меня как раз до понедельника.

Микроволновка весело тренькает, и я выставляю миску на стол.

– Макароны не хочу. – Дочь увлеченно шкрябает край стола вилкой. – Хочу просто яблочко.

Внутри меня взрываются снаряды и свистят пули. В кухню заглядывает мать.

– Ну что? Ждешь, пока все магазины закроются?

– А?

– Ты же за хлебом собиралась. – Тяжелый родительский взгляд превращает меня в пепел.

– Но ты ведь сказала «не надо».

– Нет, это не ребенок, это какое-то наказание! – восклицает мать и с оскорбленным видом удаляется обратно в свои покои.

Считаю до пяти. Потом делаю пару глубоких вдохов. Потом старательно рисую в воображении зеленый листик – спортивные психологи уверяют, что это успокаивает. Рука сама находит вилку. Сажусь за стол и с остервенением накидываюсь на дочкины макароны. И пусть весь мир подождет.

Несколько секунд Алёна разглядывает мое лицо так, словно пытается опознать во мне контрабандиста, а потом резко выдергивает у меня миску и придвигает к себе.

Естественно, после ссоры с мамой никаких сил на педагогические подвиги у меня нет. Минут сорок я смотрю с дочерью мультики, после чего мы заваливаемся спать. Утро вечера мудренее! – уверяю я причитающую совесть. В конце концов, у меня еще два дня на то, чтобы создать что-нибудь шедевральное.

***

И вот суббота. Просыпаюсь в половине восьмого от того, что Алёнина пятка упорно ерзает по моей щеке. Спать хочется невероятно, но пятка острая, а я человек мнительный – страх за сохранность собственной челюсти упорно не пускает меня в объятия Морфея. Промаявшись минут десять, решаюсь на отчаянный шаг: сантиметр за сантиметром выползаю из-под «остроконечной» девочки, словно спецназовец из окружения. Я почти вывожу зубы из-под угрозы, как диван вдруг заканчивается, и онемевшее со сна тело шлепается на пол. Челюсть угрожающе лязгает, а душа замирает. О нет, пожалуйста, только не зубы! Мой список несовершенств и так трещит по швам.

Я торопливо ощупываю пальцами верхние и нижние резцы. Кажется, всё цело. И чего я так перепугалась? Паникерша. Секунд десять я таращусь в темноту и беззвучно хихикаю над собой, а потом снова пихаю пальцы в рот, чтобы перепроверить сохранность красоты.

Душа успокаивается только после четвертой инспекции. Я, конечно, пытаюсь влезть обратно на диван, но Алёна поспешно раскидывается поперек него звездочкой. Вздохнув, делаю марш-бросок к столу, а включив ноутбук, даже приободряюсь: возможно, столь раннее пробуждение – знак свыше. В кои-то веки у меня есть возможность поработать в тишине.

Я создаю новый документ и, открыв его, уверенно вбиваю заголовок: «Программа тренинга позитивного мышления». Внимательно перечитываю. Мне кажется, или название звучит немного коряво? Тщательно взвесив все за и против, стираю слово «программа». После чего минут десять сосредоточенно ерзаю на стуле в поисках идей. Наконец меня осеняет. Я выделяю заголовок

красным цветом и отодвигаюсь от монитора. Да! Так гораздо, гораздо лучше.

В ёрзаниях и созерцании проходит еще минут десять. Потом я записываю на листочке план работы. Пункт А – надергать из Интернета каких-нибудь упражнений по развитию оптимизма. Пункт Б – приписать к ним парочку маминых рассуждений о жизни. Я кликаю мышкой по ярлыку браузера, и в этот миг дом оглашает ужасный визг перфоратора.

– Мамочка! – чуть ли не до потолка подпрыгивает Алёнка. – Ты где?

Я кидаюсь к дивану и сгребаю малышку в объятья.

– Зайка моя, ты испугалась?

Алёнка раздражается:

– Я не зайка, я котик.

***

После пробуждения дочери мечта поработать тает, как утренний туман; я помогаю Алёне переодеться из пижамы в лосины и футболку, и мы перемещаемся на кухню. Я варю манную кашу, а Алёнка цепляет за край штанов поясок от платья и, виляя попой, дефилирует по коридору туда-сюда.

Дочь противно мяукает, дом то и дело сотрясают «трели» перфоратора, а из маминой комнаты почему-то не доносится ни звука. Из-за этого мне тревожно. Разложив кашу по тарелкам, подхожу к двери в мамину спальню и тихонько стучу:

– Мам, у тебя всё нормально?

Дверь моментально распахивается, и на пороге появляется пришелец, вооруженный пилочкой для ногтей. У него зеленое лицо, а на голове какие-то красно-желтые загогулины.

– Как у меня может быть всё нормально, если собственная дочь относится ко мне наплевательски? – с надрывом в голосе вопрошает инопланетянин, и я узнаю в нем свою мать.

Наверное, на днях она опять получила спам-рассылку с бьюти-сайта. А может, в садик заглянул член косметической секты с тюбиками масок и наборами инновационных бигуди.

– Хорошо, папа не дожил до этого момента, – цедит мать, ожесточенно орудуя пилкой. – Он бы умер со стыда, увидев в какую дармоедку ты превратилась.

Я замечаю на дверном косяке парочку застывших капель обойного клея и старательно пытаюсь их отскоблить.

– Я манку сварила, – бубню я. – Будешь?

Мама аж подпрыгивает.

– Нет, вы только посмотрите на нее! Ни одного проблеска совести. Как будто и не в курсе, что на завтрак я всегда ограничиваюсь бутербродом.

Она захлопывает дверь, а я возвращаюсь на кухню. Усаживаю за стол дочь. Алёна ковыряет манку ложкой и тараторит о чем-то своем, а я старательно киваю, не вникая в смысл сказанного. Каша стоит у меня поперек горла. В конце концов, отодвигаю тарелку и внимательно смотрю на дочь:

– Солнышко, мне надо в магазин.

– Я не солнышко! – оскорбляется малышка. – Я котик. Неужели трудно запомнить?

Поспешно киваю.

– Хорошо, доченька.

Алёна хлопает ладонью по столу так, что тарелки подпрыгивают.

– Я не доченька. Я котик. Котик!

Я скриплю зубами и добросовестно пытаюсь представить зеленый листок. Воображение подсовывает мне кленовую ладошку, усыпанную бисером росы. Внимательно разглядываю тонкие прожилки листа – и по мышцам прокатывается волна расслабления.

Да я просто гений саморегуляции! – приятно удивляюсь я, но потом на листе возникает гусеница и начинает хряпать его с молниеносной скоростью. Брр! Вздрагиваю и поспешно отвлекаюсь от фантазий: я терпеть не могу насекомых.

Алёна случайно залезает пальцами в кашу, после чего торопливо вытирает руку о футболку. Придвигаю к дочери стакан с салфетками.

– Нельзя вытирать руки об одежду.

– Я не вытираю, я чешусь, – огрызается дочь. – Может, у меня блохи?

Вздохнув, подымаюсь из-за стола.

– Так, котик, я пошла в магазин. Ты когда поешь, поставь тарелку в мойку и немного поиграй. Я скоро приду.

Алёна тут же вскакивает на ноги.

– Я пойду с тобой.

Окно сотрясает порыв ветра. Кошу глазом на улицу, и по коже бегут мурашки: во дворе что-то вроде метели, белые хлопья свивают воронки, а люди перемещаются перебежками.

– Нет, котик, ты останешься дома, – бормочу я и иду в свою комнату.

Алёна кидается за мной и легко обходит на финише. То есть на пороге. Вбежав в комнату, она сразу несется к шкафу и вываливает на пол все футболки и свитера со своей полки.

– Эй, ты чего творишь! – успеваю крикнуть я, как она уже находит то, что нужно и, плюхнувшись на ковер, начинает стягивать лосины.

– Я тоже хочу гулять, – приговаривает Алёна, раздраженно дергая ногами, запутавшимися в штанинах.

– Дочь… Тьфу, котик, – я пытаюсь сделать авторитетное лицо. – В такую погоду маленьким надо сидеть дома.

С возмущенным кряхтением Алена втискивается в колготки и берется за кофту. Я снова кидаюсь к родительской двери и, не дождавшись ответа на свой стук, просовываю нос в комнату. Мама сидит на кровати и навертывает на стопы какие-то водоросли.

– Мам, я иду за хлебом.

– Угу.

– Ты могла бы немного поиграть с Алёной, пока меня нет?

Она надевает на стопы целлофановые пакеты и только потом подымает на меня глаза:

– Может, хватит уже сваливать на меня свои родительские обязанности? Дай мне хотя бы в субботу уделить время самой себе.

Я затворяю дверь и возвращаюсь в свою комнату. Алёны и след простыл.

– Кот, ты где?

Я торопливо собираю разбросанные на ковре вещи и запихиваю их в шкаф. Из прихожей доносится сосредоточенное сопение. Я выглядываю в коридор и обнаруживаю, что Алёна уже натянула синтепоновый комбинезон. В голове у меня тут же вспыхивает тревожная кнопка: если дочь сейчас вспотеет, ее легко продует. Чтобы не допустить этого, я натягиваю на себя пуховик – прямо поверх домашней футболки и лосин – и выскакиваю с малышкой на лестницу. «Магнит» через два дома – авось не замерзну.

На мое счастье у пуховика теплый капюшон, а в карманах находятся варежки.

Глава 6. Подножки судьбы

Пока мы спускаемся по лестнице, Алёна всё время бормочет какие-то стишки. Перед тем как выйти на улицу, я поворачиваю дочь к себе и проникновенно смотрю ей в глаза.

– Так, кот, давай договоримся: на улице рот должен быть заперт на замочек. Если будешь болтать на ветру, у тебя заболит горло. Ты же не хочешь в больницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/trifonenko_elena/dnevnik-zakonchennoy-optimistki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити